

Се Сыхэн посмотрел на Цин Мянь:

— Хозяйка Цзинь тоже знает о Хэбэйских борзых?

Цин Мянь покачала головой:

— В простонародье на улочках и в переулках уездов и округов откуда ж такому взяться... Это когда... когда генерал А Мянь провожала меня обратно в земли Хань, у неё с собой была борзая, вот я и узнала, что эта собака — знаменитая порода из Хэбэя.

Се Сыхэн издал короткое «мда» и умолк.

Стоило воспоминаниям вновь открыть шлюзы, как иссушающий зной южного лета перед глазами Се Сыхэна словно бы сменился суровой северной зимой пятилетней давности.

По суровым, не терпящим возражений просторам на предельной скорости мчались два коня из Хэси.

Юноша и девушка, вырвавшиеся из лап варваров-захватчиков, припали к конским спинам, в упор глядя вперед.

Наконец на стыке земли и неба линия перестала быть идеально ровной.

Очертания укреплений, дозорных башен и городов, подконтрольных Армии семьи Цинь, становились всё отчетливее.

Когда до ближайшего укрепления оставалось всего два-три ли, Се Сыхэн увидел, как опережавшая его на несколько корпусов лошади Цин Мянь подняла знамя с зубчатой каймой и иероглифом Цинь и изо всех сил замахала им.

Ворота заставы отворились, оттуда вылетела белая тень и бросилась навстречу.

Цин Мянь придержала коня, прыгнула на землю и подхватила помчавшуюся к ней огромную белую собаку, счастливо кувыркнувшись с ней в глубоком снегу.

— Господин Се, это Хэбэйская борзая. Считается, что Сяотяньцюань бога Эрлан-шэня превратился как раз в такую собаку, когда вознесся на небеса.

— Господин, в вашей семье тоже чтут Эрлана, верно? Как удачно, у моей собаки как раз родился выводок щенков, возьмите парочку с собой в Инъяньфу! Вы с ними станете земными Эрлан-шэнем и Сяотяньцюанем — никакая нечисть и демоны рядом с вами и близко не

подойдут!

Вывавшегося из смертельной ловушки Се Сыхэна заразили страстный и радостный порыв Цин Мянью, и на его лице больше не было прежнего оцепенения и застывшего от пережитого ужаса выражения.

Он тоже соскочил с лошади и принялся трепать Хэбэйскую борзую за шею.

— Ну раз так, не стану церемониться с генералом А Мянью, я ведь тоже отлично умею обращаться с собаками, — широко улыбнулся Се Сыхэн.

Но эта сцена еще не успела потускнеть в памяти, а сообразительная, отважная, живая и очаровательная девушка уже навсегда разделилась с ним миром живых и мертвых.

Услышав, что хоу Цинь Фан прибыла в столицу с докладом о службе, Се Сыхэн как раз заступал на смену во Дворце Лингу по пути в город.

Полный надежд, он собирался заглянуть на почтовую станцию попытать счастья — а вдруг Цин Мянью тоже входит в состав охраны? — но прямо во время дежурства услышал страшную весть о гибели госпожи и её служанки.

В тот миг Се Сыхэн, стоя под палящим солнцем южного лета, почувствовал холод даже более пронзительный и костистый, чем в ледяных пещерах Северного Ху.

Господин Се, господин Се.

Тихий зов хозяйки лавки семьи Цзинь вырвал Се Сыхэна из воспоминаний.

Указывая на псарню, он произнес:

— Госпожа Цзинь, Хэбэйские борзые в нашем Управлении тысячника — это подарок генерала А Мянью, они происходят от её любимых боевых псов.

Цин Мянью уловила вновь промелькнувшую в глазах собеседника тоску по прошлому.

Юнь Байли, который как раз наблюдал, как ветеринар осматривает собаку, тоже поднял голову, мысленно оценивая выражение лица Се Сыхэна, и бросил Цин Мянью:

— А этот парень и впрямь человек постоянный, надо же...

Вторая половина фразы насчет того, а не были ли вы часом любовниками, уже вертелась у него

на языке, но он вовремя сообразил, что подобные вопросы в обоих мирах — и живых, и мертвых — навлекают тумаки, и поспешно исправился:

— Пора ковать железо, пока горячо: вы же собратья по оружию, объединяйтесь и ведите расследование вместе.

— Да, я заговорю с ним, — мысленно спокойно ответила Цин Мянью Юнь Байли.

Ветеринар закончил вправлять кости на лапе желтой собаки и, попрощавшись, удалился.

Дождавшись, пока он отойдет подальше, Цин Мянью посерьезнела и обратилась к Се Сыхэну:

— Господин Се, эта скромная особа смеет дерзнуть задать лишний вопрос: когда человека столь высокого полета, как маркиз Цинь, злоумышленники убивают прямо в сердце столицы, в особняке самого министра, неужели двор ограничит тем, что расклеит прокламации об агентах Северного Ху, и на этом всё закончится?

Се Сыхэн опустил взгляд, не отвечая сразу.

Те же самые слова он накануне уже задавал тысячнику из своего ведомства, и прозвучало это так весомо, будто ударили тяжелым медным молотом.

Тысячник и сам в прошлом служил в пограничных войсках, его не раз в буквальном смысле вытаскивали с того света ценой собственной жизни боевые товарищи, поэтому он прекрасно понимал преданность Се Сыхэна Армии семьи Цинь и попытался утешить подчиненного:

— Разве дело замнут просто так? После того как министр Мао подробно доложил обо всем Его Величеству, император уже отдал указ провести тщательное расследование в столице и за её пределами на предмет пособничества северянам. У Патрульной стражи пяти районов и нашего Северного управления по усмирению работы теперь хоть отбавляй.

Но это был совсем не тот ответ, которого ждал Се Сыхэн.

Услышав страшную весть, Се Сыхэн почему-то то и дело прокручивал в голове слова, сказанные Цин Мянью давным-давно, когда они болтали о её разведчицкой службе: Посмотри на этот рынок: тот, кто меньше всего похож на шпиона, чаще всего и оказывается матерым лазутчиком.

Чем больше Се Сыхэн думал над этими словами, тем сильнее подозревал, что в поместье Мао не всё чисто и что среди других доверенных лиц Цинь Фан тоже завёлся предатель.

Однако перед лицом своего непосредственного начальника-тысячника он проглотил слова:

Почему бы не допросить самого министра Мао и приближенных воевод Армии семьи Цинь?

Раз уж позиция двора расходилась с его собственными ожиданиями, своими подозрениями делиться не стоило.

Он станет расследовать всё сам.

Он отправлялся на почтовую станцию к Цинь Сюй, но дважды не смог с ней увидеться; а когда встретился с ней лицом к лицу на горе Цинляншань, то намеренно не стал затевать долгих разговоров — во-первых, чтобы убедиться, не избегает ли Цинь Сюй расспросов старых знакомых, а во-вторых, чтобы сразу не спугнуть её.

Сейчас же Цин Мянью, сама завязавшая этот разговор, видя, что Се Сыхэн молчаливо уходит от ответа — рассудив, что сотник Цзиньвей не станет легкомысленно откровенничать с простой горожанкой, — решила поднажать:

— Господин Се, если мы, ювелиры, продадим украшение, которое у покупателя вскоре ломается, нам приходится тщательно проверять всё сверху донизу: не затесался ли внутри свинцовый стержень вместо золота и серебра? Под ногами у Сына Неба, в особняке высокопоставленного сановника среди бела дня лишают жизни выдающуюся военачальницу — как же вы можете не искать внутреннего врага?

Брови Се Сыхэна дрогнули.

Он поднял взгляд и в упор посмотрел на Цин Мянью:

— Госпожа Цинь, кого вы имеете в виду под внутренним врагом?

В глазах Цин Мянью промелькнула горечь:

— Я в последнее время хворала и только вчера узнала, что генерал А Мянью погибла вместе с остальными. А когда ночью я снова заснула, генерал А Мянью явилась ко мне во сне и сказала, что её сгубил предатель. Я спросила её, какой ещё предатель, а она продолжала говорить что-то ещё, только я совсем ничего не могла разобрать. И всё же она стояла там и говорила так долго... всё это явно не сводится к простым варварам, пробравшимся в столицу и воспользовавшимся уязвимостью особняка министра. Может ли быть так, что этот внутренний враг — кто-то из близкого окружения самой госпожи маркиза?

Фабрикуя подобную историю, Цин Мянью испытывала сильнейшее внутреннее сопротивление.

Когда-то она была опытной разведчицей, и сочинять байки, чтобы обмануть людей и сыграть на их сокровенных мыслях, удавалось ей лучше всего.

Но перед ней стоял Се Сыхэн.

Манипулировать им с помощью лжи было для Цин Мянью мучительно.

И всё же, именно потому, что он был Се Сыхэном — надёжным соратником, которому можно довериться, — Цин Мянью была обязана задеть струны его души и привлечь его на свою сторону.

— Господин Се, генерал А Мянью пришла ко мне в ночь накануне седьмого дня после смерти, потому что верила, что с такой важной и несправедливой бедой может прийти только ко мне, верила мне... — твердо и безапелляционно произнесла Цин Мянью. — Я не могу подвести её доверие, я должна хоть что-то для неё сделать!

Слушая её, Се Сыхэн не отрывал глаз от стоявшей в шаге от него женщины — в отличие от прежнего поведения, когда он, даже беседуя, из вежливости отводил взгляд.

Эта хозяйка лавки из семьи Цзинь, которую в свете считали «меркантильной и черствой» купчихой, на поверку оказалась способной на благодарность и смелый поступок.

Казалось, от прежней чужой холодности между ним и ею не осталось и следа.

<http://bllate.org/book/21831/2261322>